

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА СУВОРИНА

60 КОПѢЕКЪ КАЖДЫЙ ТОМЪ 60

ЖАКЕРІЯ

СЦЕНЫ ИЗЪ ФЕОДАЛЬНЫХЪ ВРЕМЕНЪ

ПРОСПЕРА МЕРИМЕ

§ 1 2/211-22 и Д

ПЕРЕВОДЪ

Д. В. АВЕРКІЕВА



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА
1893

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Просперъ Мериме (1803 † 1870) принадлежитъ къ числу наиболѣе замѣчательныхъ французскихъ писателей нашего вѣка. Онъ дебютировалъ въ 1825 году сборникомъ піесъ подъ заглавіемъ «Театръ Клары Газуль», сразу обратившимъ на него вниманіе. За нимъ вскорѣ послѣдовала «Guzla», послужившая, какъ извѣстно, для Пушкина основой его «Пѣсень западныхъ славянъ». Въ 1828 г. появилась «Жакерія», предлагаемая нынѣ вниманію читателей «Вѣстника Иностранной Литературы»; за нею драма «Семейство Карвахалья», потомъ «Хроника Карла IX» и т. д.

Мериме, при своемъ появленіи, сверхъ Пушкина, былъ замѣченъ еще другимъ великимъ поэтомъ: Гёте сразу оцѣнилъ его самородное дарованіе. Изъ всѣхъ французскихъ писателей, выступившихъ въ первой трети истекающаго столѣтія на литературное поприще, Гёте только у Беранже и Мериме признавалъ настоящей прирожденный талантъ; то есть талантъ, черпающій силу въ самомъ себѣ, не поддающійся моднымъ вліяніемъ, не заботящійся о вѣусахъ публики, свободный отъ всякихъ партійныхъ путъ и поповновеній

на проложеніе «новыхъ» путей къ словесности. Въ Мериме онъ цѣнилъ особенно его способность къ объективному изображенію, замѣчая, что такое качество встрѣчается у писателей рѣже, чѣмъ обыкновенно полагаютъ.

У насъ Мериме мало извѣстенъ, и можно сказать, что русская литература передъ нимъ въ долгу. Въ самомъ дѣлѣ, Мериме прекрасно зналъ нашъ языкъ, нашу исторію и литературу. Онъ написалъ весьма основательную монографію о временахъ самозванцевъ; онъ переводилъ Пушкина и Гоголя, когда наша литература еще не была въ модѣ во Франціи. Его полузабытый переводъ «Ревизора» превосходенъ.

Врядъ ли мы ошибемся, сказавъ, что «Жакерія» лучшее изъ произведеній Мериме, гдѣ его своеобразный талантъ достигъ наибольшаго расцвѣта и могъ съ особой яркостью проявить свои достоинства, благодаря тому, что тутъ авторъ попалъ вполне на свой сюжетъ. «Жакерія» рисуетъ одинъ изъ самыхъ мрачныхъ эпизодовъ французской исторіи, нравы жестокаго времени, нѣчто въ родѣ нашей пугачевщины; именно возмущеніе французскихъ крестьянъ въ XIV вѣкѣ. Jacques Bonhomme — старинное прозвище крестьянина; отсюда и названіе бунта, и заглавіе піесы.

«Жакерія» не есть собственно драма; ея построеніе и распорядокъ въ ней дѣйствія, ея развитіе носятъ на себѣ скорѣе характеръ произведенія историко-повѣствовательнаго, чѣмъ прямо драматическаго; впрочемъ, самъ авторъ именуетъ ее сценами, и вовсе не изъ желанія уменьшить предъявляемыя къ драматическимъ требованія. Нельзя, однако, сказать, чтобъ драматическая форма «Жакеріи» была чисто внѣшней, случай-

ной; она несомнѣнно способствуетъ объективности и такъ сказать наглядности изображенія; притомъ, благодаря ей, инныя подробности, которыя въ описаніи показались бы черезъ-чуръ отвратительными, быстро проскальзываютъ передъ глазами: читатель чувствуетъ ихъ ужасъ, но его вниманіе не застываетъ на нихъ выше мѣры. Передъ нами развертывается картина ужаснаго времени, правдивая, спокойно и строго обдуманная. Столь обычныхъ у французскихъ писателей битья по нервамъ, погони за эффектами, чудовищностью и исключительностью нѣтъ и слѣда.

Какъ извѣстно, корифеи такъ называемаго романтическаго направленія во Франціи много кричали о характерности и колоритности изображенія, какъ о новомъ пути въ литературѣ, впрочемъ уже раньше ихъ безъ шума проложенномъ Гёте; они усиленно гнались за красками, требуя хоть отвратительнаго да характернаго. Мериме, повидимому, холодно относился къ такому требованію; онъ не прочь былъ даже посмѣяться надъ чрезмѣрной заботливостью о *couleur locale*. И что же? врядъ ли кто изъ его сверстниковъ обладалъ этимъ качествомъ въ большей, чѣмъ самъ Мериме, степени. Преимущество Мериме состоитъ именно въ томъ, что въ колоритѣ у него нѣтъ ничего предвзятаго и насильственнаго, ничего пристегнутаго во имя теоріи; колоритность у него просто принадлежность дарованія; онъ не придумывалъ какъ слѣдуетъ писать, а слѣдовалъ внушенію своего таланта.

Всѣ лица «Жакеріи» необыкновенно типичны и выборъ ихъ столь же разнообразенъ, какъ и умѣлъ. Передъ нами, каждый со своими нравственными и

бытовыми особенностями, проходят ряды рыцарей, монаховъ, крестьянъ, разбойниковъ, капитановъ полуграбительскихъ вольныхъ отрядовъ. Блестящая фантазія автора умѣряется здоровой мыслью; нѣтъ и слѣда предвзятой идеи, пристрастія или тенденціозности, — что такъ же рѣдкость у французовъ, какъ и у другихъ націй вообще и у сверстниковъ Мериме въ частности; все изображено съ эпическимъ спокойствіемъ и трезвеностію. Яркая обрисовка главныхъ лицъ невольно бросается въ глаза, и не требуетъ отдѣльныхъ указаній, но взгляните въ второстепенныя фигуры и вы подивитесь той же отчетливости и свободѣ изображенія. Какъ хорошъ, на примѣръ, Моранъ, этотъ мужикъ себѣ на умѣ, суевѣрный, подозрительный, черствый, первый подстрекатель и первый трусъ; онъ все высматриваетъ изъ-подлобья, все издалека обнюхиваетъ, все дѣлаетъ изъ-подътишка; онъ знаетъ себѣ цѣну и умѣетъ добиться своего. Или рѣшительный и благородный Рено; когда онъ мститъ, то увѣренъ, что совершаетъ дѣло правосудія, и эта увѣренность возрышаетъ его; онъ никого не выдастъ, никого не запутаетъ; онъ заботится не о томъ, чтобъ спасти себя, а о томъ, какъ бы не навлечь бѣды на другихъ; онъ вѣренъ слову, простъ и твердъ душою. Онъ выступаетъ какъ невольный мститель, онъ спокойно проявляетъ свою нравственную мощь передъ судомъ, потому что вынужденъ къ тому обстоятельствами. И затѣмъ его почти незамѣтно: онъ самъ по себѣ не выставится впередъ; онъ и умираетъ незамѣтно: его просто убиваютъ въ сраженіи. Любопытно, что, по собственному признанію Мериме, обстоятельства, послужившія ему для обрисовки характера Рено, онъ

взялъ изъ русской дѣйствительности конца прошлаго вѣка.

Отмѣтимъ еще одно достоинство «Жакеріи». Среди всяческихъ ужасовъ, неистовствъ, ненависти, злобы и душевнаго ослѣпленія, Мериме нерѣдко въ изображаемыхъ лицахъ отмѣчаетъ прямо человѣческія черты, и притомъ у тѣхъ, гдѣ онѣ, кажется, безслѣдно исчезли, благодаря эгоистическому самомнѣнію или отупѣлости; и эти черты выступаютъ свободно и правдиво, въ минуты, когда ихъ не ждешь, но когда онѣ вѣроятны и правдоподобны. Такъ, надменный баронъ д'Апрмонъ, врядъ ли допускающій мысль о возможности какихъ либо человѣческихъ чувствъ у мужика, не въ силахъ скрыть своего невольнаго уваженія къ героизму Рено; такъ, жалкій аббатъ Гонорій умѣетъ постоять за то, что считаетъ своей святыней, и героически умираетъ за нее. Читатель доставитъ себѣ огромное удовольствіе, слѣдя за такими чертами у другихъ дѣйствующихъ лицъ. Благодаря этимъ нечаяннымъ вспышкамъ, этимъ внезапнымъ проблескамъ прирожденнаго человѣку благородства, становится понятно, какъ человѣчество смогло пережить средневѣковый мракъ и не погибнуть въ немъ окончательно.

Д. А.